

Ю. И. ДЮЖЕВ

“Я СОВЕРШЕННО ОДИНОК В ЭТОМ МИРЕ...”

О прозе Александра Яшина

Когда в Советском Союзе началось “развернутое строительство коммунизма”, никто не мог и предполагать, что через сорок лет великое государство распадется на отдельные национальные анклавы и окажется перед угрозой гражданской войны. И одной из причин тому был отказ правящей партии от восстановления традиционной русской государственности и возвращения к идее “советского интернационализма” первых послереволюционных лет. Если различные этнические общности, имея экономические и культурные привилегии, в открытую формировали свои национальные культуры и свои элиты, то русский народ не получил права на национальное возрождение, на свою национальную духовность. Правящая партия боролась с православием, насаждая политику государственного атеизма; вела курс на денационализацию русского этноса, надеясь через обвинения в “славянофильстве” затормозить работу патриотически настроенных писателей над пробуждением русского национального самосознания.

В незавершенной и не опубликованной при жизни автора статье “Мысли о русской поэзии” Алек-

сандр Яковлевич Яшин (1913 - 1968) подчеркивал, что выразить в поэзии “русский дух” могут только выходцы из русского народа, свое вдохновение черпающие в традициях русской национальной поэзии и фольклоре: “Эту истинную любовь русского народа нам не искоренить в русском народе, и чем меньше мы их чувствуем, тем дальше мы уходим

от народа, от истоков русской национальной поэзии”. Далее Яшин писал о драматической судьбе близких ему поэтов с ярко окрашенной русской самобытностью — у них “нет возможности нормально работать”.

Судьба Александра Яшина - поэта, прозаика, публициста — характерна для литературного поколения романтиков 1930-х годов. Пройдя через Отечественную войну и обретя зрелость, они раньше других осознали глубину “разлома” в твердыне советского строя и, не будучи в силах предотвратить неизбежную катастрофу, остались в одиночестве.

А ведь жизнь этого поколения начиналась так ярко и празднично...

1

Александр Яковлевич Яшин (Попов) вошел в литературу, когда советские поэты и прозаики легко и радостно отдавались коллективному сознанию, испытывали прилив сил от прикосновения к социальной почве. Будучи активными агитаторами коммунистической идеологии, они в массе своей были свободны от сомнений и с готовностью повиновались идеологии и вождю. Обладая интуицией и волей, Яшин девяти лет ушел из деревни Блудново в город Никольск, где был принят в школу детдома, а затем в местный педагогический техникум. Всюду он проявлял активность, волевою направленность на достижение главной жизненной цели (“Я с детства знал, что буду поэтом”), незаурядные организаторские способности.

В техникуме Яшин создал литературный кружок “Наше творчество”, в пятнадцать лет стал делегатом Первого Северодвинского губернского съезда пролетарских писателей в Великом Устюге, в восемнадцать — делегатом Первого краевого съезда Северной ассоциации пролетарских писателей в Архангельске, в девятнадцать — председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей, в двадцать — членом Северного краевого оргкомитета ССП, в двадцать один выпустил книгу стихов “Песни Северу” (Архангельск, 1934) и был избран делегатом на Первый съезд советских писателей.

В глазах партийного и писательского руководства Северного края поведение Яшина выглядело безукоризненным: юноша послушен, верен лозунгам дня, идет в ногу с комсомолом и партией. Несмотря на плохое состояние

здоровья (туберкулез), молодой романтик влюблен в жизнь, страстно и увлеченно воспекает в стихах страну социализма. Чудесные перемены в своей жизни юноша воспринимал с детской непосредственностью: когда паренка пригласили в Великий Устюг на первый в его жизни съезд писателей (“денег дали, в президиум посадили”), он в перерыве убежал на базар и купил пугач — первую в своей жизни игрушку. Лишь много позднее повзрослевший Яшин скажет о своем творчестве 1930-х — начала 1950-х годов, что это были “приказчиьи стихи, в которых не мог уместиться талант”. Пытаясь понять свою слепоту, Яшин в письме Ф.А.Абрамову от 17 ноября 1963 года писал: “Совесь во мне спала, что ли”. (*Здесь и далее цитаты в основном по изданию: Яшин А. Собр. соч. в 3-х т. М., 1986*).

Не перестал доверять власти молодой поэт и после неприятного случая в первый приезд в Москву: “Я подошел к трибунам Мавзолея, и меня задержали, провели за край Мавзолея, проверили документы — все очень сурово, грубо. А я приехал в свою Красную столицу, я — комсомолец по духу, мечтающий стать писателем. Все впервые приезжающие в Москву — романтики в душе. И такая встреча...” Юный Яшин столкнулся с внешней, грубой силой государства, которое, оказываясь, имело полную власть для самого радикального вторжения в жизнь личности. Это открытие было настолько неожиданным для “романтика в душе”, что он не мог забыть встречи на Красной площади и в зрелом возрасте. Яшин рано понял, что при всех “делегатских” полномочиях он является лишь винтиком, рычагом всевластной государственной машины, которая объемлет, регулирует жизнь лич-

ности и требует верности и повиновения. Но это понимание не отразилось на вере молодого Яшина, продолжавшего видеть в коммунистической идее желанную социальную справедливость.

Тогда, в пору стремительного восхождения, после удачного переезда в Москву и публикации нескольких поэтических книг он не собирался противопоставлять себя обществу и отрицал личную свободу как символ буржуазной анархии, вредную для коллективного сознания, для социальной жизни.

Именно потому, что “стихами все-таки трудно чего добиться”, Яшин уже в 1933 году обратился к прозе, будучи убежден, что “литература советская должна стать совестью народа” и станет ею, иначе она не сможет выполнять своей роли “первой помощницы партии”. Опубликованные на страницах архангельского журнала “Звезда Севера” рассказы Яшина “Заводная ручка” (1933, № 3) и “Андрей Иванович” (1933, № 7-8) имели целью поддержать заданный партией высокой темп социалистического наступления на деревню. “Понял я, что вместе и везде с реконструкцией лесного края шла и реконструкция людей”, — писал Яшин. Эту мысль он последовательно проводил в рассказах о рождении коллективного сознания на селе.

В этих написанных пока еще неумелой рукой рассказах самыми интересными оказываются характеры стариков, тогда как молодые активисты запоминаются лишь неудержимым “стремлением к лучшему”. Как это и происходило в прозе 1930-х годов, трагический процесс “перелома” крестьянского строя жизни был раскрыт Яшиным упрощенно. Ощущалось увлечение победительной интонацией в описании успехов колхозного строительства.

Выявились и характерные особенности дарования Яшина-прозаика. «Думаю о прозе моей. Я, конечно, эмпирик абсолютно во всем, с той лишь особенностью, что эмпирики познают жизнь опытом, а я своими боками», — писал Яшин. И действительно, чувственный опыт был для него первостепенным источником прозаических произведений. В дневниках, на рабочих карточках писатель делал наброски сюжетов, пейзажей, зарисовок по следам увиденного и услышанного. Ближе всего и понятней была деревенская жизнь Русского Севера, и лучшие произведения созданы на материале «малой родины». Яшин продолжил традиции знатоков быта и хозяйства дореволюционной России (Н.Златовратский, В.Селиванов, Г.Успенский, А.Энгельгардт), которые во второй половине XIX века собрали богатый фактический материал о судьбах крестьянской общины. В своих очерках они любили изображать позитивные стороны народной жизни, ее внутренний лад. Правда изображенных ими жизненных фактов опиралась не только на тщательное изучение крестьянских будней, но и на статистику, социологические выкладки.

После 1917 года советская идеология не признавала творческие, созидательные элементы в психологии и мировоззрении русского крестьянина, острие критики было направлено против собственных инстинктов крестьянина, его неспособности принять коммунистические идеалы равенства и братства.

Симпатии молодого Яшина оставались на стороне тех, кто верил в жизнестойкость общинного начала в крестьянской психологии. Яшин всегда помнил, что именно деревенский сход, вопреки воле отчима, постановил отправить его на учение в уезд, чем и положил начало писательской карьере. Кол-

лективное хозяйство было для Яшина воплощением мечты русского народничества о демократическом крестьянском самоуправлении, о победе обобществленного труда. По этой причине героями первых рассказов он выбирает пожилых крестьян, сохранивших в памяти полубожное разрешение на миру всех спорных вопросов в сельской общине. Яшину и его героям видится в колхозном самоуправлении добровольное и сердечное согласие между людьми — продолжение лучших традиций русской деревни.

Есть еще одна особенность, которая сближает ранние рассказы Яшина с дореволюционными очерками о крестьянстве в России: и там и здесь русские крестьяне предстают как цельные, нерасщепленные личности, твердо убежденные в единственности утверждаемой истины, в непрерывности традиции, бережно хранящие вековую мудрость и веру в святыню. Таким запомнился Яшину и его дед Михаил Михайлович Попов, который трижды прошел Волгу бечевой, а позднее стал известным в своих местах мастером кузнечных дел. Черты деда (умершего в 1928 году) Яшин передал герою рассказа «Заводная ручка», «первому и лучшему кузнецу в округе».

Став профессиональным литератором, Яшин мог бы и дальше разрабатывать в прозе характеры деревенских активистов, однако этого не случилось. Третий по счету «деревенский» рассказ — «Рычаги» опубликован в альманахе «Литературная Москва» лишь в 1956 году и разительно отличается по своей концепции от яшинского дебюта в прозе. В отличие от своих предшественников, колхозные активисты 1950-х годов действуют уже не из внутренних убеждений, а исходя из спущенных сверху директивных указаний. Если герои ранних рассказов Яшина не знают страха и с революционным возбуждением

отдаются труду, то для проживших два десятилетия под гнетом репрессивного аппарата героев «Рычагов» террор обернулся параличом и бездеятельностью. Колхозники про себя думают одно, а вслух говорят другое.

В вологодской глубинке, в правлении колхоза, при свете керосиновой лампы идет доверительный разговор между четырьмя до поры до времени безымянными мужиками. На днях, рассказывает один, привезли сахар да так и распродали из-под полы, разве это порядок? И где же правда? Нет, «на правде все держится», — отвечает человек без левой руки, в затасканном, чуть ли не фронтовом, брезентовом плаще внакидку. Другое дело — почему не все в районе правду принимают близко к сердцу, почему, дав колхозу на словах согласие сеять то, что выгодно, на деле в третий раз возвращают план посева для поправки. Тут уж на полную катушку достается от третьего собеседника секретарю райкома за голое администрирование, за то, что «людей не слушает, все сам решает...» Черту подводит четвертый участник беседы, который с горьким чувством говорит, что «правду у нас в районе сажают только в почетные президиумы, чтобы не обижалась да помалкивала», а многочисленные начальники заботятся, как бы в сводках все цифры были круглые.

Словом, между собой собеседники смело подвергают сомнению методы руководства. Затем следует неожиданный сюжетный поворот: мужики узнают, что нечаянным свидетелем их беседы оказалась уборщица Марфа, спохватываются и начинают поспешно исправлять содеянное. И вот уже столь рьяно протестовавший против показухи животновод Ципилев, вспомнив, что он секретарь партийной организации, произносит

“те самые слова, которые в подобных случаях произносил секретарь райкома, и даже тем же сухим, строгим и словно заговорщическим голосом”, а однурукий фронтовик Петр Кузьмич, председатель колхоза, только что осуждавший волевое планирование, круто меняет свою позицию и не только не отрицает право райисполкома менять сформированный колхозниками перспективный план, но бьет себя в грудь за недостатки “разъяснительной работы с массой” и даже повторяет слова, что “мы с вами являемся рычагами партии в колхозной деревне”.

Яшин одним из первых в советской литературе поднял вопрос о трагедии советского человека, который утратил способность действовать по собственной воле и размышлению, променял свою неповторимую индивидуальность на безличную жизнь “рычага” в государственном механизме. Эта попытка Яшина обнаружить скрытую сущность коллизий и характеров в советском обществе привлекла благожелательное внимание таких защитников индивидуальной воли, как Александр Бек и Маргарита Алигер. “Хороший очерк, — отмечал во внутренней рецензии А.Бек... — Думаю, что никакой более или менее серьезной авторской доработки он не требует. Надо лишь внимательно вместе с автором отредактировать”. “Я — за, — писала М.Алигер. — В этом есть что-то очень настоящее и глубоко человеческое, но хороший редактор мог бы тут очень пригодиться и, вытащив из вещи главное, сделать ее еще значительнее. Может быть, действительно, Тендряков”.*

Давая характеристику прозаикам,

пишущим на колхозные темы, В.Овечкин в своем докладе на Всесоюзном совещании писателей в октябре 1955 года отмечал, что они “подходят” к деревенским темам не по-дачному - по-хозяйски, им до всего дело, они не бросаются на экзотику, ищут большие проблемы в будничной работе колхозников, в

1941 г.

их обывденной жизни”.**

Очерк-исследование представлялся В.Овечкину далеко выброшенным вперед подвижным разведывательным отрядом, и в числе особо отличившихся на этом направлении он называл Г.Бакланова, М.Жестева, С.Зальгина, А.Калинина, В.Солоухина, И.Шухова. “Задача наше сейчас — раскрыть до конца все возможности колхозного строя, двинуть в ход все силы, резервы”,*** — говорил В.Овечкин.

В этом общем русле действовал и Яшин. По прочтении “Владимирских проселков” и “Капель росы” В.Солоухина Яшин сделал вывод,

что “в последнее время заметные успехи прозы оказались в следовании достоверности, в документальности. Это почти дневники без специально придуманных литературных сюжетов... Эти вещи покоряют своей авторской непосредственностью, желанием доверительно разговаривать с читателем обо

всем как с ближайшим другом и убежденностью, что все это свое, личное, откровенное не может быть неинтересным для других”. К “Районным будням” В.Овечкина Яшин не раз возвращался в раздумьях о месте писателя в общественной жизни. “Все это время я жил, думая о тебе, постоянно опирался на твою силу, на твою душу, брал для себя за образец твое служение большой нашей правде и справедливости”, — признавался Яшин в письме В.Овечкину от 23 сентября 1957 года.

Однако те критические сентенции, которые были разрешены В.Овечкину, оказались непозволительными для Яшина после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), с трибуны которого Н.С.Хрущев поставил перед искусством и литературой страны задачу “добиваться того, чтобы стать первыми в мире не только по богатству содержания, но и по художественной силе и мастерству”. В этой атмосфере рассказ “Рычаги” был подвергнут резкой критике за “окарикатуривание на-

* Обе рецензии помещены на одном листе бумаги, датированы маем 1956 года, когда в острой борьбе мнений решалась судьба публикации “Рычагов” Яшина. — ЦГАЛИ, ф.1579, оп.1, д.5, л.44.

** ЦГАЛИ, ф.631, оп.5, ед.хр.1622, л.23.

*** ЦГАЛИ, ф.631, оп.5, ед.хр.1622, л.92.

шей действительности”.

Яшин не был готов к такому повороту событий. Он, автор десятка поэтических книг, лауреат Сталинской премии, за публикацию небольшого рассказа вошел в число “антисоветских” литераторов. По свидетельству родных и близких, такие удары критической дубинкой Яшин переносил трудно, терял творческую форму. Так было и на этот раз. Помогли друзья (В.Овечкин и др.), поддержавшие Яшина в его стремлении к правде и справедливости.

“Рычаги”, при всей очерковости и обыденности художественной ткани, стали заметным событием и в творческой биографии Яшина, и в истории советской литературы. Яшин в своем рассказе интуитивно нащупал болезненную точку в деспотической форме организации власти в советской России.

Самому Яшину работа над “Рычагами” помогла избавиться от “собственных переживаний, своей неустроенности в жизни. Прежде всего это реакция — затянувшаяся, мучительная — на свою старую слепоту и увлеченность, уход от жизни, но не полный, не равнодушный, а ожесточенность и злая ясность ума во взгляде на текущие политические события”. Как всегда в критических для себя ситуациях, Яшин обращается к творчеству Льва Толстого, перечитывает “Войну и мир”, называет в дневнике подвигом уход Л.Толстого: “Это — очищение и путь к наибольшей сосредоточенности в творческом труде своем”.

2

Путь к очищению был для Яшина трудным и долгим и явил собой превращение романтика в душе начала 1930-х годов в человека, у которого к концу жизни сорвался якорь его веры и он по-

нял невозможность выжить в этом мире без самообмана и иллюзий. “Не пишется, руки опустились, — жаловался Яшин в письме В.Овечкину от 1 мая 1965 года. — Ленивым я раньше себя никогда не считал, — значит, либо постарел слишком быстро, либо просто всякую веру в литературу потерял, и потому пропал интерес что-то делать, а ради одних денег писать уже не могу”.

Начав свою жизнь и путь в литературе с жизнерадостного чувства единства и согласия с социалистическим бытием, Яшин все более удалялся в сторону противопоставления себя миру, реального разрыва с ним. “Я совершенно один в этом мире, в этом лесу, у меня никого нет на свете близкого, кому бы я мог полностью довериться”, — писал Яшин в дневнике 20 сентября 1967 года.

Дневниковые записи Яшина дают возможность увидеть, как борются внутри человека поток страстей — и духовная дисциплина. К Яшину рано пришло осознание двойственной природы человека. Вступив на писательскую тропу, он вел изнурительную борьбу духа против мира чувственных желаний и неупорядоченных ощущений. “Я стараюсь казаться не таким, каков есть, — писал Яшин в дневнике 30 апреля 1966 года. — Не силач (богатырь) я, а ледащий, лодырь не работающий, во всем не настоящий. Надоело казаться не таким, каков я есть. Как умирать буду? Непутевая жизнь”.

Но эта вечная борьба между мгновенными страстями и духовным началом, которую вели многие русские писатели, включая Ф.Достоевского и Л.Толстого, для Яшина осложнялась противоречиями и конфликтами советского общества, требовавшего от социалистической культуры стоять на службе у пролетариата и быть ин-

тернационалистической. Ленинская теория о наличии двух культур внутри антагонистического общества не оставляла творческой интеллигенции выбора в условиях твердого руководства со стороны партии и государства. “Молился на Льва Толстого, и только, пожалуй, на него одного всю жизнь, а писал о Кольцове, о Некрасове... Позвонили — и написал”, — калялся Яшин в дневниковой записи 4 апреля 1968 года.

Философия закрепленного в Уставе советских писателей социалистического реализма (как и философия созданного на Западе индустриального общества) объективно отрицала творческую инициативу личности, но это понимание не сразу пришло к “романтику в душе” Яшину. В письме из Москвы М.О.Гершензону в 1917 году Николай Бердяев заметил: “Ты очень ошибался, если думал, что для большевиков существует личность. Они всякую личность готовы принести в жертву своему идолу всемирного социализма, они никогда не видят лица человеческого, не знают души человеческой. Все фактические коммунистические движения всегда отрицали личность”.

Яшин писал стихи о Сталине, о победах колхозного строя, не вкладывая в них содержание души, что привело впоследствии к тяжкому ощущению раздвоенности. “И так я весь представляю собою как бы два потенциала, полярных. Каждый предмет раздваивается, в каждом предмете опять-таки два начала. Может быть, это положительное и отрицательное”, — писал Яшин в дневнике 9 июля 1968 года.

По примеру Льва Толстого Яшин искал совершенной жизни и во имя ее обличал жизнь дурную и грешную. Он ненавидел в себе черты низкопоклонства, рабства и в поисках правды, толкаемый жадной иною мира, писал рас-

сказ “Рычаги”... “Вспоминаю, до какого отрицания поэзии дошел я, прежде чем написать книжку стихов “Совесть” и всерьез взяться за прозу, — сделал запись в дневнике Яшин 19 января 1963 года. — Народ страдает, а мы стишки пишем — мне это казалось очень стыдным”.

По мнению позднего Яшина, “настоящая писательская страсть исключает равнодушное отношение к жизни, она безрасчётно смела и до конца непримирима ко всякого рода болоту, бесстыдству, демагогическому беззаконию”. В ответе на анкету журнала “Вопросы литературы” (1967, № 6) Яшин писал, что в своей литературной практике он стремился быть верным такой традиции, которая питается соками живого, разговорного языка; что ему легче работало и вероятность удачи была больше, когда он брал за основу для своих персонажей хорошо знакомых людей из жизни.

Сельский материал Яшину как писателю роднее и ближе всего: с детства он приобщился к крестьянскому труду — умел пахать плугом, косить, метать стога, жать серпом, плести лапти и даже пряхть лен веретеном и ткать пестрядь на самодельном стане. В сорок лет на целинных землях Алтая он окончил курсы трактористов. Работал избачом, учителем, газетчиком, исколесил страну вдоль и поперек, но всегда писать ему хотелось “больше о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блудново”.

Писательские дневники свидетельствуют о его горячей заинтересованности в судьбах земляков. Сразу по приезде в Никольск в феврале 1958 года Яшин присутствовал на заседании бюро райкома партии, где подбирали новых председателей колхозов; добравшись до

Блуднова, Яшин вместе со всеми стал ездить на подводах за сеном, ходить на вечерние “бесёдки”, бывать на заседаниях правления артели и на общем собрании колхозников. Яшин помогал колхозу “Красный пахарь” достать семена, строительные материалы, грузовые

На сенокосе,
начало 60-х

машины. Он жадно впитывал впечатления, делал в дневниках наброски для будущих произведений. И хотя А.Яшин писал, что на свете немало мест лучше Блуднова, куда добираться легче, его с непреодолимой силой тянуло на родину: “Здесь я знаю и чувствую, что особенно важно, душу каждого человека”. Рождалась мысль написать эпическое произведение о судьбах северной деревни и сделать его героями своих земляков. “Повесть. История моей семьи. Смерть брата, сестер, самоубийство Васютки

и т.д. А до последнего времени шла борьба за дом, кто больше имеет на него прав. Старший сын совсем покинул деревню. Но вот умирает мать, и дом остается пустым. Его некому наследовать... История одной семьи — это и история тяжелого времени поисков новой жизни (коммуны, ТОЗ, артель, укрупнение, сселение, разукрупнение, опять укрупнение). “Беспокойная власть”. Общая позиция: никогда никому новое не давалось легко”.

Последние десять лет жизни писатель, по свидетельству З.К.Яшиной, активно собирал материал для “романа или целой эпопеи” под условным названием “Для кого строился дом”. И хотя роман так и не был написан, следует рассматривать яшинскую прозу в контексте этого замысла.

В апреле 1961 года Яшин уже работал над повестью “Сирота”, которая по завершении, в рукописи, получила одобрительный отзыв Паустовского и была опубликована в журнале “Москва” (1962, № 6). Действие повести с убеждающей достоверностью движется по законам самой жизни... Осиротели два брата и пошли разными дорогами в поисках счастья. Один из них, Шура, вырос работящим человеком, а другой, Павел, лодырем и ловчилой. Яшин детально исследует эту ситуацию, чтобы понять истоки рождения столь разных характеров.

Писатель обращает внимание на живучесть в среде колхозных руководителей демагогических вывертов и утонченного лицемерия и не последнюю роль в воспитании возмечтавшего о “портфеле” Павла отводит председателю местной артели Прокофию Кузьмичу. Этот человек умеет прикинуться “сиротинушкой”, пойти на самоунижение ради корист-

ной цели. Чувствуя в Павле родственную душу и лелея мечту сделать из него своего преемника, Прокофий Кузьмич самолично отвозит подростка в интернат, следит за его школьными успехами, учит не критиковать начальство. Как откровение впитывает Павел слова своего наставника, что “слабому да отстающему обязаны помочь. Советская власть не позволит обижать сирых”, — и строит жизнь исходя из подобной философии. Рано, в шесть лет, осознав, что в ранге “горемышного” ему теперь все можно, что никто ничего для него теперь не пожалеет”, Павел использует людскую жалость как отмычку для проникновения к материальным благам.

Свою любовь Яшин отдает трудолюбивому, честному, верному хлебоборобскому делу крестьянскому парнишке Шуру. К этому “простому работяге, земляному человеку” Прокофий Кузьмич относится с трудно скрываемым презрением: “Такие вытягиваются сами по се-

бе, как сорная трава, чего с ними возиться”. А когда повзрослевший Шура дает отпор самодурству председателя и вносит дельные предложения по лучшей организации уборочной кампании, это воспринимается Прокофием Кузьмичом как опасный сигнал: “Сегодня он меня не признает. завтра вас, потом секретарю райкома нагрубит, а там гляди...”

Контрастность характеров главных героев повести исходит из мировоззренческой установки автора, отрицавшего какие-либо компромиссы и видевшего в “жесткой двуликой эпохе” лишь белое и черное: “Порядочность и подлость, бесчестье. Есть относительность и абсолютность, продажность и неподкупность, безбожие и вера, смех и грех (но доступно это и понятно не для всех). Есть простодушие и преступность. Есть простота и подлость, продажность, неподкупность и коррупция, растленье, перерождение. Есть мир и антимир...”

Исподволь и постепенно сгущая краски, Яшин рисует Павла в его нравственной нищете, умственной скудости, грубо-эгоистической направленности всех поступков, и в этом отношении прав Ф.Абрамов, подчеркнувший, что в повести Яшина “с наибольшей полнотой развернулся сатирический талант писателя”.

Можно обнаружить определенные сюжетные параллели между романом М.Салтыкова-Щедрина “Господа Головлевы” и “Сиротой” А.Яшина. В романе помещица Арина Петровна инстинктивно чувствует в Иудушке возможного разрушителя “семейной твердыни”, но любовь к сыну, доверие к его “господским” привычкам и сладким обещаниям приводит к плачевным последствиям: “Пор-

фишке-кровопивцу” удается использовать капитал “милого друга маменьки” на округление своего имени, оставить родного человека без угла. В повести Яшина “Сирота” бабушка Павла, несмотря на недобрые предчувствия, помимо воли и сознания влечется к любимому внуку, видя в нем “понимающего” человека, “большака”, позволяет Павлу отобрать половину избы на перестройку своего городского дома, оставить ее без крова. Иудушка со злобной энергией убирает с дороги родного брата Павла — яшинский Павел тиранит брата Шуру. Иудушка ломает жизнь доброй, наивной Анниньки — Павел губит жизнь отзывчивой, трудолюбивой Нюрки Молчуньи.

Щедринский Иудушка и яшинский Павел напоены злобным чувством к окружающим, ненавистью к жизни вообще. Любое сопротивление их прихотям они воспринимают как угрозу своему существованию. Впрочем, особого сопротивления они не испытывают ни со стороны властей, ни со стороны закона. Иудушка в финале романа Щедрина становится главным помещиком во всей округе, полностью подчиняя своим прихотям и крестьян, и домашних. Павел в повести Яшина после удачной женитьбы начинает сытую жизнь в городе.

Яшин написал повесть о вырождении крестьянского рода, придя к выводу: “То, что русская деревня гибнет, — ясно. Неясно только, будет ли это оправдано историей и каким образом”.

Если в “Господах Головлевых” гибель дворянского рода объясняется торжеством “чумазого” над помещиком, то яшинская “Сирота” помогает понять причину гибели русской колхозной деревни (и в более общем смысле — “зрелого социализма”) появлением в советском обществе средних слоев с их

ориентацией на буржуазно-демократические ценности. Если сразу после 1917 года понятие собственности в России утратило свой священный ореол, то спустя полвека дух русской революции угас и эта ценность (“собственность”) оказалась наиболее привлекательной в массовом мировоззрении. Пройдя через гражданскую войну и военный коммунизм, народ “в ужасных и непонятных ему страданиях потерял память о России — о самом себе” (Г.Федотов. *Лицо России*).

Как показал опыт последовавшей в 1990-е года приватизации, именно такие, как Павел, сумели нагло сколотить огромные капиталы и стали хозяевами жизни. В этом отношении яшинский Павел — предтеча “новых русских” конца XX века, советский Иудушка, для которого не существует суда совести.

Яшин не видит в советском обществе, в колхозной деревне той силы, которая бы остановила движение оборотистого, делового хищника. Деревня явно обречена, и в этом отношении повесть “Сирота” оказывается первой из целого пласта книг 1960—1970-х годов, в которых мысль о ее гибели является ключевой. Будучи одним из первоходцев темы, Яшин взял на себя смелость рассмотреть реалии деревенской жизни под жестким сатирическим углом.

Приобщение Яшина к цеху сатириков оспорено В.Оботуровым, по мнению которого, “сводя к обличительству смысл повести А.Яшина, мы невольно принижаем ее социальное значение, а если что и есть в ней от сатиры, кроме немногих внешних элементов, то это правда, правда жизни, которая нередко, если уж очень горькая, у нас называется сатирой”. Но напрасно при этом критик проводит параллель между А.Яшиным и А.Чеховым: яшинское отношение к “сироте” отнюдь не равнозначно “тихому, глубокому вздоху чистого

истинно человеческого сердца”, которые услышал Горький при чтении юмористических рассказов Чехова.

Яшин не прячет язвительной усмешки, описывая хитроватые ходы Павла. Раскрывая словоблудие, изворотливость Павла, формирует в читателе чувство отвращения к негодяю, который начал с мелочей (отнял морковку у мальчика, списал задание) и закончил подлыми действиями по отношению к близким ему людям. Писатель с горечью и болью пишет о недобром влиянии на колхозников системы “рычагов”, которая отучила бороться со злом. Авторский протест выражается и в язвительной иронии, и в трудных раздумьях. Яшин не скрывает своих симпатий и антипатий, личной позиции по затрагиваемым в повести проблемам. Право на такую резкость в оценках Яшин заслужил кровной связью с заботами родного края. Его требовательность рождается из родника любви к земле предков.

В “Сироте” Яшин предстал зрелым, талантливым прозаиком со своеобразной манерой письма, где сатирические элементы связаны с иносказательностью, недомолвками, скрытой мыслью, требующей от читателя внимательного и напряженного чтения. В повести многое прямо и до конца не высказывается, а лишь подразумевается, но созданная прозаиком картина жизни не имеет двусмысленности и ясно отражает общественную позицию писателя.

На что бы в “Сироте” ни обращал внимания писатель, всюду он видит деградацию той самой колхозной системы, которая ранее рассматривалась им как продолжение традиций русской крестьянской общины. В результате “колхозного” решения аграрной проблемы социальное расслоение в деревне лишь усилилось; большин-

ство крестьян оказалось буквально на грани существования; под лозунгом “Земля — народу” произошла самая разнузданная эксплуатация совестливых труженников. Привилегированной кастой стала бюрократия, и деревня ответила на это отчуждением от власти, разложением общественных нравов, трудовой пассивностью, утратой таких ценностей, как спокойная совесть, добро и красота, хорошие отношения в семье.

Такова изображенная в очерке “Вологодская свадьба” деревня Сколково, куда Яшин прибыл на свадьбу своей родственницы в декабре 1961 года. Время словно застыло в этой глуши: нет электричества, радио, закрыты библиотека и клуб. Из-за отсутствия какой-либо медицинской помощи велика детская смертность. От плохого питания, изнурительной работы жители деревни “все мелки ростом”, “шибко водки много стали пить после войны”.

Эти и многие другие приметы колхозной жизни Яшин заносит в блокнот (“Октябрь”, 1980, №1):

“23 декабря. Свадьба... Хорошо бы обо всем написать. Контрасты: остатки старых обрядов и новые люди, грузовик-самосвал вместо троек.

Нина и Иван Иванович Белозерцев вместе работают на Теребаевском льнозаводе. Ровесники. Она на подаче тресты в льномялке; он — на прессовке”.

Все было интересно писателю: как “отпевают” невесту под гармонь, как встречают гостей стаканом пива, какие поют песни и частушки, кто родители жениха и невесты. Он делал в писательском дневнике “зарубки” о ходе свадьбы и закончил первый вариант очерка уже спустя месяц после памятных событий. Но до июня Яшин не торопился ставить точку, продолжал обдумывать композицию очерка. Яшин не

только изменил фамилии действующих лиц, но и сделал необходимые “перемены” и “дополнения” в обрисовке участников свадьбы, стремясь к большему художественному обобщению и типизации.

“17 июня. Сходил вдвоем с Васюткой в Скочково. Вернулись ночью из-за скандала с теребаевским Иваном Ивановичем (женихом). Но выигрыш: образ жениха в “Вологодской свадьбе” сейчас будет полнее. Можно подумать, что это какое-то предчувствие: столько месяцев и не заканчивал этот очерк, словно знал, что будет перемена, дополнение”.

Свадьба в Скочково была для писателя поводом к размышлениям о нравственных основах деревенской жизни, эмоциональным толчком к написанию художественного очерка. Однако на рубеже 1960-х годов в стране, все еще оглушенной последствиями культа личности, куда больше было читателей и критиков, которые, по словам Яшина, пугались правдивого слова жизни и, “суетливо открещиваясь: “Чур меня, чур меня!” — с ходу подписывали подсунутые им разными служивыми добротами изготовленные по стандарту коллективные читательские письма”.

Сразу после публикации очерка “Вологодская свадьба” в “Новом мире” (1962, N 12) в вологодской газете “Красный Север” и в “Известиях” появились статьи с грубыми нападениями на писателя, а в Никольском районе и в Вологде прошли читательские конференции, где “Вологодская свадьба” причислялась к произведениям клеветнического толка. Когда в феврале 1963 года друг Яшина по совместной учебе в Никольском педтехникуме А.Пшеничников побывал на комсомольском собрании в Байдаровской школе, он стал свидетелем, как учитель русского языка и литературы устро-

ил публичный суд над “Вологодской свадьбой”, заставив школьников “по бумажке обвинять писателя в искажении действительности”.

Как и в случае с “Рычагами”, Яшин более всего был задет явно инспирированными коллективными разносами, устроенными на его малой родине.

“Почему из-за “Вологодской свадьбы” в Никольске подняли такой шум? Я хотел сделать так, чтобы земляки жили, как и все люди: ездили по хорошим дорогам, слушали радио, смотрели кино, чтобы в каждой избе горели лампочки Ильича”.

Яшин подал мне папку с письмами. Это искренние, доброжелательные слова рядовых колхозников из Блуднова, Плаксина, Теребаева, письмо учителя Павлова.

Молча он подает вторую папку... Несколько страниц, напечатанных на машинке, подводят итог: “За земляка мы Вас не считаем и отрекаемся от такого землячества”.

В письме К.Коничеву Яшин настоятельно просил разъяснить землякам свое доброжелательное отношение к их нуждам и заботам: “Мне бы хотелось, чтобы все вы, мои товарищи, знающие деревню, смогли сказать, что, конечно, никакого вреда, злого умысла своим землякам я не хотел и не хочу, никакого камня за пазухой у меня нет. И я ничего не выдумывал и не обобщал”.*

Полная негодования оценка положения русской деревни повторяла выводы, сделанные в повести Ф.Решетникова “Подлиповцы” (1864). Спустя сто лет выяснилось, что русские крестьяне лучше жить не стали. Стоит вспомнить хотя бы мать жениха, для которой коробка спичек уже богатство. Сочувствуя простым людям, Яшин с иронией описывает хлебнувших городской жизни ме-

щан, которые не прочь похвастать легкими заработками.

В ином, доброжелательном ключе Яшин рисует шофера Василия Прокопьевича — бунтаря по натуре, “типично русского правдоискателя, ратующего за справедливость, за счастье для всех”, — или приглашенную на свадьбу причитальницу-плакальщицу Наталью Семеновну, “черноглазую, с тонкими чертами лица, старую, но и сейчас еще красивую, не согнувшуюся женщину”. Вот она запела “печально, волокнисто”, и словно “изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели еще ярче”. Писатель любит вдохновением старой плакальщицы и жалеет ее, понимая неизбежность угасания старинных обрядов.

И лишь когда Яшин покидает шумную свадебную компанию, остается наедине с природой, он обретает душевный покой. Ему “сказочно хорошо” ехать ночью по зимней проселочной дороге и в лучах автомобильных прожекторов видеть “многоцветный” снег. Ему дороги привезенные со свадьбы берестяная солоница, набор литых поддужных колокольчиков как память о Северной Руси: “Сижу за столом, пишу да позваниваю иногда, слушаю: хорошо поют”.

Имея в виду эти последние строки, А.Твардовский в интервью газете “Правда” 12 мая 1963 г. назвал работу А.Яшина “отличным, полным поэзии очерком”. Но такая лирическая оценка “Вологодской свадьбы” объяснялась желанием как можно скорее вывести Яшина из-под удара критики и отвлечь внимание “ока государева” от поднятых автором глубинных противоречий деревенской жизни. На самом деле очерк Яшина далек от лирико-этнографического описания народных

*ЦГАЛИ. ф.2290, ед.хр.52, оп.1, л.1.

обычаев. Являясь частью посвященного северной деревне триптиха (“Рычаги”, “Сирота”, “Вологодская свадьба”), очерк явил собой продолжение традиций русского критического реализма 1860—1880-х годов. Так же как век назад М.Е.Салтыков-Щедрин с беспощадностью сатирика карал общественные пороки, так и Яшин в своем триптихе, прорвавшимся через цензурные рогатки, обобщил существенные признаки кризиса советского общества: преобладание принципов насилия, умаление свободы человека, ослабление всякой веры.

В описании крестьянского быта Яшин продолжил традиции очерка о русской деревне второй половины XIX века, в которых сочувствие народу не исключало критического освещения темных сторон его бытия. Как и Глебу Успенскому, писавшему о российской деревне 1870—80-х годов, Яшину хотелось бы верить в иллюзии об устойчивости крестьянского мира. Но как и Успенский, который видел, что проникший в деревню капитализм губит всю систему взаимоотношений внутри крестьянского мира, так и Яшин не мог не осознавать пагубные последствия “раскрестьянивания”: “Умирает деревня, умирает постепенно, дом за домом, пустеет, разваливается, замолкает”.

Но если сатиру М.Салтыкова-Щедрина, очерки Ф.Решетникова, Г. Успенского просвещенная Россия восприняла как обвинение против существующего строя, то спустя век острокритические работы Яшина даже в отзывах его друзей (в целях защиты автора) сведены к лирическим излияниям, и тем самым было приглушено их глубокое общественное звучание.

Оклеветанный колхозными и советскими руководителями на Вологодчине, униженный коллективными письмами земляков с негативной оценкой его творчества как “анти-

патриотического”, Яшин заклился когда бы то ни было вмешаться в конкретику колхозных будней. Будучи у себя на родине, он делает запись: “Писать бы здесь ежедневно по страничке, как дневник: перемена пейзажей, все, что вижу, и так — три весны! Ну — две. Немного и о деревне, о смене указаний и соответственной перемене в поведении колхозных “вожаков”. Но только не вмешиваться больше в их дела, не учить никого, не писать о них, иначе съедят”.

Яшин осознает тщетность воздействия художественной литературы на решение сельскохозяйственных проблем, на судьбы колхозной деревни. Он мечтает писать “поэму ухода. Ухожу от друзей, от города — в звуки леса, лугов, как Лев Толстой от своей семьи. От тщеславия, от борьбы за власть, за закрытый распред и паек”.

3

Летом 1963 года Яшин решает построить дом на Бобришном Угоре, среди леса:

“Изба эта на высоком берегу реки мне совершенно необходима: каждое лето я буду сидеть в ней и писать так, как никогда и нигде мне еще не писалось. Это будет рабочий домик поэта. Да что поэта — я решил, что именно здесь-то и смогу стать настоящим прозаиком. Давно уже задуман и выношен мною большой роман — где же его и писать, как не на Бобришном Угоре, знакомом и родном мне с детства... Герои мои будут сами приходиться ко мне на дом, в гости, — это мои земляки, сверстники, бывшие одноклассники”.

Одним из первых в писательском доме на Бобришном Угоре побывал в августе 1963 года Ф.Абрамов, о котором в дневнике А.Яшина сказано коротко: “Знакомимся. Лицо жесткое. В

характере что-то от Грибачева. Прямо в суждениях и резок, как я. Почти во всем сходимся”.

Но, как и у Л.Толстого, уход от семьи, от людей оказался для Яшина несбывшейся мечтой по причине ухудшившегося здоровья и боязни одиночества: “Стал бояться деревенских условий жизни — духоты, отсутствия воды, света, прочих разных удобств. А главное — кто-то со мной должен жить душа в душу”.

И хотя Яшина беспокоила мысль, что с таким трудом выстроенный им деревенский дом не будет востребован детьми-горожанами (“Для кого строился дом?”), знакомый и родной ему с детства Бобришный Угор с неистовой силой влек его к себе. Здесь родилось пронзительное по своей лирической настроенности признание в любви к Родине.

“Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра, силы, изобилия порой захватывает меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья. И еще хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полета души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего, очистительного святого чувства”.

Яшин создает цикл лирических зарисовок и миниатюр, исполненных восхищения тайной жизни, красотой природы, святостью русской земли. Составители собрания сочинений писателя З.К.Яшина и Н.А.Яшина объединили их в циклы рассказов “Сладкий остров”, “Вместе с Пришвиным”, “Маленькие рассказы”, которые Яшин намеревался включить в будущую книгу “Стихи в прозе”. Светлая, чистая музыка этих рассказов рождена поэтом-лириком, устремленным к свету, к вечному движению жизни.

Но не эти лирические рассказы

*Дом, построенный Яшиным
на Бобришинах Угоре*

вспоминал Яшин, когда незадолго до смерти, 3 июля 1968 года, беседовал в московской больнице с Василием Беловым: “Мне бы сейчас еще немного пожить, чтобы дописать “Для кого строился дом?” — это главная моя книга. Много написано в карточках... Вася, хочешь дам тебе? Мне уже не дописать, не написать. Большая крестьянская семья. Дети вырастают. У каждого своя судьба: кто убит на войне, кто уехал учиться, кто “на колхозном фронте”... Удачная жизнь, нелепая жизнь, светлая смерть. От всей семьи осталась старуха. Дом готов. Дом строился для сыновей, для внуков. Для кого строился дом?!”

— Александр Яковлевич, давайте совместно напишем.

— Нет, мне уж не написать. Будьте счастливы, родные мои!”

После смерти писателя в архиве найдены рукописи ряда прозаических произведений, которые автор по ряду причин не торопился передавать издателям.

Единственная повесть Яшина о войне — “Единомышленники” (напи-

сана в 1957, опубликована в 1983 г.) отмечена некоторой упрощенностью суровых условий начала войны. Рассказывая историю пробивающихся к своим через немецкое окружение солдат, Яшин строит произведение из малых и больших событий, опасных приключений, и эта концентрация действия идет от фронтовой журналистики. Повесть сглаживала реально существовавшие противоречия: сложный характер фронтовика нередко укладывался в прокрустово ложе идеального героя; пренебрежение окопным бытом, тяготение к чистой беллетристике снижало художественную ценность повествования.

Повесть “Высочка” (закончена в 1961, опубликована в 1979 г.) повторяла сюжетные коллизии ряда произведений о передовых животноводах, ставших в руках властолюбивых председателей колхозов прикрытием их неблагоприятных дел. Противостояние зазнавшегося колхозного “маяка” — свиарки Смолкиной и трудолюбивой девушки Нюры развивалось в повести по привычной схеме. Повесть “Астма” (написана в 1961, опубликована в 1971 г.) была попыткой автора по-

казать творческую лабораторию писателя, присущие творческой интеллигенции противоречия между страстью и умом, чувственным и рациональным, искусством и реальностью. Но не удалось ему раскрыть замысел в реалистической многомерности.

Зато стоило Яшину обратить свой взор к деревне в повести “Баба Яга” (написана в 1960, опубликована в 1985 г.), как произведение зазвучало очень современно в условиях, когда русская литература “сквозь слезы на глазах и сквозь туман души” (С.Куняев) прощалась с утраченным крестьянским миром. В образе героини повести старухи Устиньи (с легкой руки председателя колхоза прозванной Бабой Ягой) прозаик с любовью запечатлел уходящий бытовой и психологический уклад, упрямо сопротивляющийся советским “новинам”, обреченный на неизбежное поражение. Старуха Устинья чарует Яшина порядочностью, простодушием, неподкупностью, верой в Бога — теми чертами, которые он давно определил для себя как олицетворение “светлого” мира... Устинья решается на поступок, о котором давно мечтал сам писатель: она уходит от людей в лес и обрекает себя на счастливое одиночество вдали от противоречий “жестокой двуликой эпохи”, где господствуют подлость, бесчестье, продажность и безбожие.

Религиозность Устиньи, которая рассматривает свое бытие как нечто Богом дарованное, как цепь событий, Богом установленную и ведомую, оказывается близка философии позднего Яшина, который в конце жизни от сознательно-рассудочного толкования мира приходит к осмыслению жизни духовно и религиозно.

28 мая 1965 года Яшин делает в дневнике запись о праздновании земляками Троицы на месте уничтоженной церкви: “Женщины”

молились гряде земли и камней на месте, где раньше был алтарь. Вместо икон ставили пучки березовых ветвей и корзинки с едой для поминовения усопших. Кутью несли в стеклянных баночках-пятисотках. Русский народ держится своих обычаев, своей старины — никакие бульдозеры не могут скрыть память о красоте и нравственной порядочности, святости”.

Те духовные перемены, которые происходят в Яшине, одной из первых замечает мать. Раньше между ней и сыном-горожанином намечалось некоторое отчуждение. В яшинском дневнике есть сделанная 11 июля 1958 года запись: “О матери. О том, что я для нее непонятный человек. О крыше, которая течет, о доме, которого мне не надо, а она все думает, что я потребую свою долю”. Но спустя несколько лет мать открывает в сыне (когда-то активном комсомольце и ярком безбожнике) желанную ее душе веру и дарит ему самое дорогое — Библию. Для Яшина этот день становится праздником души: “Сегодня благовещенье, великий четверг, день, когда нельзя работать. Мать вчера доткала полотно, убрала стан. Выдала мне Библию и отцовское Евангелие”.

В этом материнском жесте для Яшина воплощена вся идея родовой сопринадлежности, чувство кровной связи, приобщение к укладу религиозной духовности — вере, любви, совести. Всю жизнь искавший и строивший в себе праведное правосознание, Яшин в конце жизни приходит к религиозному осмыслению обязанностей внутреннего самовоспитания и на встрече с читателями в августе 1967 года в Кириллове говорит “о сохранности святых мест (монастырей)”.

За несколько дней до смерти Яшин просит родных повернуть его кроватку лицом к окну: “Он долго

смотрел на церковь Вознесения в Коломенском. Далеко на берегу реки она все “возносится” уже сколько столетий”. (Яшина Н. Воспоминания об отце. Архангельск, 1977, с.52.) Яшин завещал похоронить его на Бобришном Угоре, и его просьба была выполнена.

Для всех прозаических произведений позднего Яшина характерен мотив кризиса современности, и в своем скептическом отношении к социальному порядку, моральным устоям конца 1950 — 1960-х годов он был близок к тем философам Запада, которые “осуждали век” за подавление индивидуальной воли. Спустя столетие после С.Кьеркегора (1813 — 1855) Яшин повторил философские метания датского писателя и богослова, вылившиеся в борьбу с “грехом” во имя аскетических требований христианской религии. В опубликованной на русском языке в “Северном вестнике” (1888, сентябрь — декабрь) работе “Гармоническое развитие эстетических и этических начал в человеческой личности” Кьеркегор сводил все множество человеческих жизненных стилей к трем типам — эстетическому, этическому и религиозному.

Что касается Яшина, то “эстетизм” был ему в принципе чужд, ибо он никогда не стремился оставаться загадочным на типично эстетский манер и был с юности увлечен скорее “музыкой жизни”, чем “музыкой слов”. Яшин, в отличие от “эстетов”, стремился расширить свои контакты с миром и людьми и, как правило, не позволял себе оказаться всецело во власти чувств, осознавал ответственность за свои поступки, пытался отыскать точку опоры в бесконечном движении бытия. Работая над рассказом “Откатывать здесь!”, Яшин записывает в дневнике: “Вот какую мысль надо выделить: можно пойти и на костер, только бы знать, ради чего

гореть. Ты сжигаешь себя? Ну что ж! Только бы знать, что не напрасно. Самосожженцы и раньше были”. Яшин был скорее “этической” личностью, которая умела подчинять свои душевные порывы разуму”. Яшин был уверен в себе и всегда творил судьбу по собственному “этическому произволу”, что неизбежно вело к отчуждению в советском обществе, втягивало в трагическое противоречие с моралью окружающего мира.

И лишь осознав себя частицей вечности, Яшин смог избавиться от внутреннего разлада в душе на путях религиозного отношения к жизни. Как личность религиозная он стал рассматривать страдание как неотъемлемую часть трагического существования человека: “Не смерть страшна, страшно видеть, как люди мучаются. Очень мучаются”.

Яшину было свойственно религиозное понимание жизни, определяемое Н.Бердяевым как “служение сверхличной цели”. Размышляя о

Памятник у могилы А. Яшина на Бобришном Угоре

скоротечности бытия, Яшин жалел лишь о том, что не успел воплотить на бумаге те идеи и ценности, которые помогли бы справедливой организации социальной жизни: “Если бы мне удалось написать то, что задумано, продумано, пережито, осмыслено, — я искупил бы свою вину перед собой, что слишком долго не брался за прозу”.

Когда в 1990-е годы к власти пришел либеральный режим, он не стал ни подкупать писателей, ни требовать от них конформизма — он предоставил их самим себе. Очень скоро выяснилось, что независимость интеллекта, свобода духа не нужны рыночной экономике.

“Для конца новой истории характерно, во всех ее областях, во всех ее результатах, переживание глубочайшего разочарования, разочарования во всех основных стремлениях, мечтах и иллюзиях новой истории, — писал Н.А.Бердяев. — В каждой линии новой истории мы можем найти это разочарование: не осуществилось ничто из этих стремлений, ни в области познания — в науке и философии, ни в области художественного творчества, ни в области жизни государственной, ни в области жизни экономической, ни в области реальной власти над природой. Те гордые мечты человека, которые окрыляли его в этот период, сокрушены. Человек стал бескрылым... Начинается кризис философии, внутреннее бессилие... Большое и великое искусство прежде времени как будто безвозвратно уходит; начинается процесс аналитического раздробления, измельчания. То же глубокое раздвоение обнаруживается и в общественных течениях... Все более начинают сознавать внутреннюю бессодержательность и тщету демократии. Предстоит глубочайшее разочарование в социализме и анархизме... Словом, на

всех линиях новой истории есть горькое чувство разочарования, мучительное несоответствие того творческого подъема, с которым человек вошел в новую историю, полный сил и дерзновения, и того творческого бессилия, с которым он выходит из новой истории.

Он кончил историю глубоко разочарованным, надломленным, раздвоенным и творчески истощенным”. (Бердяев Н.А. *Судьба человека в современном мире. “Новый мир”, 1990, № 1, с.213*).

Эти мысли Н.Бердяева, озвученные в докладе на съезде литераторов Мировой Христианской Федерации в мае 1931 года, имеют прямое отношение к истории трагического одиночества А.Яшина и к ситуации в России в конце XX века. “Смыслоощущение” оказалось невозможным в современной жизни, лишенной устойчивой системы координат.

Но как бы ни тяжела была история России, связь времен не прервалась. Русские писатели сохранили себя в качестве наследников великой культуры. Извлекаемая уроки из прошлого, они должны среди идейной и духовной пустыни современной действительности найти силы для творчества и деятельности ради преобразования России.

□

*Работа выполнена
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ).
Код проекта 02-04-00447 а/с.*